

У Вэнь Жуня еда была получше: он разогрел привезённый рис и тушёную свинину, а на гарнир у него была своя порция маринованных диких трав — так что в его трапезе были и мясо, и овощи.

При этом Вэнь Жунь не капризничал: ел то же самое, что и все остальные.

К ночи назначили караульных — по очереди дежурили, чтобы охранять лагерь.

Вэнь Жуню дежурить не пришлось: он был предводителем обоза и к тому же цзюйжэнем, поэтому все считали, что ему нужно спокойно выспаться, чтобы сохранить силы и благополучно довести их до места, а потом так же благополучно вернуть домой.

Спать пришлось впроголодь и в неудобствах — но что поделать?

Вэнь Жуню, правда, было гораздо легче: он устроился прямо в своей повозке. Там уже были постелены одеяла, своя собственная подушка, даже немного благовоний для аромата.

Ещё он взял с собой маленький фонарик.

Повесил его в карете — и всем от этого стало спокойнее на душе.

На следующее утро, едва начало светать, все уже поднялись: сначала напоили и покормили скот сеном, потом развели костёр и сварили немного каши.

Вэнь Жунь велел сварить рисовую похлёбку, к которой все подыели свой сухой паёк, а также разогрели копчёные колбаски — по полколбаски на человека. Ешьте!

Завтрак был простым, но сытным — и сразу же отправились в путь.

Дорога снова оказалась ухабистой и изматывающей. К полудню и люди, и лошади нуждались в отдыхе.

Как всегда, сначала позаботились о скоте, и лишь потом сами перекусили сухарями или рисовыми шариками.

Вэнь Жунь в этот момент не вмешивался — пусть все спокойно перекусят, хоть немного утолят голод, а потом снова в дорогу.

В обед так и перебились.

Когда добрались до следующего привала, наконец развели нормальный огонь и вскипятили

воду.

На этот раз Вэнь Жунь ничего из своих припасов не доставал. Зато работники сами достали немного домашних вкусностей. Хотя, честно говоря, особой роскоши у них не было — лишь немного солёного мяса. К счастью, рядом оказался бамбуковый лес, и несколько человек с лопатами и кирками пошли выкапывать свежие побеги бамбука. Из всего этого они приготовили «яньдусянь».

Как известно, «яньдусянь» — это простое домашнее блюдо.

Готовится легко: варят суп из бамбуковых побегов, свежего и солёного мяса. «Янь» — это солёное мясо, «сянь» — свежее мясо (курица, свиные ножки, рёбрышки и т.п.), а «ду» означает томление на медленном огне.

У них как раз было солёное мясо, да ещё поймали в бамбуковом лесу двух диких кур — немного, но для аромата хватит. Кто-то принёс солёное мясо, нарезали его и бросили в котёл. В походных условиях никто не церемонился с изысками — просто сварили две большие кастрюли «яньдусянь». Ели горячим, запивая своим сухим пайком.

Вэнь Жунь тоже отведал это блюдо — вместе с маринованными дикими травами и сухим пайком.

После ужина он сразу лёг отдыхать.

Всего прошло два дня, а Вэнь Жуню уже казалось, что путь невыносимо труден!

На третий вечер они наконец добрались до постоянного двора.

Хотя постоянный двор и стоял в глухомани, он находился на пересечении нескольких важных дорог, совсем недалеко проходила официальная правительственная дорога, а рядом с ней — императорская станция.

В древности такие станции предназначались исключительно для чиновников и официальных делегаций. Хотя их миссия и считалась государственной, простые люди всё равно не осмеливались туда заходить. Статус Вэнь Жуня как цзюйжэня формально позволял ему остановиться на станции, но он почувствовал, что им там, скорее всего, не очень обрадуются, и повёл всех в постоянный двор.

Двор был большой: предлагали горячую еду и напитки, можно было даже искупаться и попарить ноги в горячей воде. За скотом тоже присматривали.

Войдя внутрь, Вэнь Жунь обратился к хозяину:

— Проследите за всеми повозками. Скоту — лучшее сено и тёплую воду для питья. Мы все будем жить вместе — снимем одну большую комнату. Что до еды... — он взглянул на меню, висевшее на стене, — всем по миске мясной лапши, тарелке маринованных диких трав и по полцзиня пятипряной баранины.

Пятипрянная баранина в те времена была редкостью.

Хозяин постоялого двора сам разводил овец специально на мясо.

Правда, стоило это недёшево — простому люду такое не по карману.

— Конечно, конечно! — хозяин радостно закивал. — Эта баранина у нас домашнего посола. Сегодня как раз зарезали двух жирных баранов. Только цена... немного...

— Ничего страшного, — элегантно бросил Вэнь Жунь хозяину два серебряных слитка по десять ляней каждый. Этого хватило бы не только на всех, но и с избытком. — Приготовьте всем умывальную воду и по тазу горячей воды для ног.

Они шли уже третий день. Вэнь Жунь ехал в карете, а остальные — пешком за повозками. Ноги у них наверняка гудели от усталости.

Горячая ванночка для ног — и спать можно спокойно. А завтра снова в дорогу.

— Хорошо, хорошо! — обрадовался хозяин. Такая большая компания, да ещё и платит сразу — редкая удача!

— Кстати, — добавил Вэнь Жунь, — завтра приготовьте нам сухой паёк. И ту пятипрянную баранину тоже возьмём с собой — по два цзиня на человека. В конце расплатимся — что останется, вернёте, чего не хватит — доплатим.

— Будет сделано! — хозяин аж подпрыгнул от радости и тут же стал работать гораздо резвее.

В постоялом дворе он трудился вместе с пятью работниками. Повозки разгрузили, на кухне закипела работа. Вэнь Жунь снял одну из двух отдельных комнат для себя, вторую — для своих работников. А большой общий зал с нарами он снял целиком для остальных — простых работников.

Все устроились, и ужин оказался по-настоящему роскошным: горячий, свежеприготовленный, да ещё и с лапшой — редкость для путников. Все ели с волчьим аппетитом.

Ужин Вэнь Жуня был таким же, только вместо маринованных диких трав ему подали шпинат с орехами — небольшая, но приятная привилегия. В его миске лапши тоже оказалось на кусок

мяса больше.

Но Вэнь Жуню было всё равно — он больше любил зелень.

Вечером всех обеспечили чистой тёплой водой для умывания и горячей водой для ванночек.

Вэнь Жунь сделал то же самое. Наконец, приведя себя в порядок, он лёг в постель.

Вот теперь он ощутил настоящий юг: здесь не было печей-кан, только обычные кровати.

Открыв заднее окно, он увидел кухню — там уже всю ночь варили сухой паёк и пятипрянную баранину. Ароматы разносились повсюду.

На следующее утро снова собрались в путь.

На седьмой день они снова наткнулись на постоялый двор, и Вэнь Жунь опять остановил всех на ночь.

А на девятый день они, наконец, добрались до лагеря Шаньнань.

И Вэнь Жунь наконец понял, почему его так называют.

Они шли по горной дороге, обошли огромную гору и через перевал вышли прямо к лагерю Шаньнань.

Военный лагерь тянулся на сотни ли. Вокруг него стояли заграждения из «цзюма» (заострённых деревянных рам), а вплотную к ним — кольцо небольших палаток для хранения всякого ненужного имущества.

Далее располагались палатки рядовых солдат, за ними — офицерские, а в самом центре возвышалась большая палатка командующего.

К северу от лагеря возвышалась гора Хэнлин — крутая, величественная и неприступная.

Вэнь Жунь знал: в древности военные лагеря редко размещали внутри городов (за исключением пограничных крепостей). Обычно их ставили у важных транспортных узлов или за городом, в труднодоступных, но легко обороняемых местах. Идеальное расположение — «у подножия горы и у воды»: рядом должна быть река для воды, а сзади — гора для защиты.

Здесь всё было именно так. К востоку от лагеря протекала широкая река, через которую был перекинут прочный деревянный мост.

Воду брать было удобно, да и отравить её было невозможно: река глубокая, течение быстрое, а вода — чистая и прозрачная, прямо из горных источников. Её можно было пить и поить ею скот и боевых коней.

Если армия надолго размещалась у крупного города, лагерь обычно располагали у рва, спиной к городским стенам — так было удобнее быстро собрать войска и в случае опасности ввести их в город для обороны.

Конечно, в поздние периоды династий, когда воинская дисциплина приходила в упадок, всё могло быть иначе.

Они прибыли с запада: большой обоз, множество людей, повозки, а впереди — экипаж с закрытым кузовом.

Солдаты на дозорной башне у главных ворот («юаньмэнь») сразу заметили их и затрубили в бычий рог — это был одновременно сигнал тревоги для лагеря и предупреждение путникам остановиться.

Вэнь Жунь приказал остановить повозки. Он сам открыл занавеску кареты, работник поставил скамеечку для выхода. Как только из ворот вышли встречать, Вэнь Жунь сошёл на землю.

Навстречу вышел, судя по всему, начальник отряда — «цаньцзян» — с отрядом из десятка человек. Он не выглядел грозным или враждебным: просто пришёл принять продовольствие. Но, увидев Вэнь Жуня, его взгляд изменился.

Тот сошёл с повозки с изысканной грацией, держался спокойно и благородно, одежда и осанка сразу выдавали в нём человека не простого.

Цаньцзян изначально планировал не только принять продовольствие, но и приглядеться — не найдётся ли среди прибывших подходящих парней, которых можно было бы оставить в лагере.

Но увидев, что во главе обоза стоит именно такой утончённый учёный, да ещё и, судя по всему, цзюйжэнь, он невольно подпрыгнул от неожиданности, глубоко вдохнул и тут же изменил тон:

— Я — Лу Фэн, цаньцзян лагеря Шаньнань, отвечающий за карательные операции против бандитов!

— Господин Лу Фэн, — учтиво поклонился Вэнь Жунь, — я Вэнь Жунь, по литературному имени Вэнь Жунь Юй, имею звание цзюйжэня. Рад приветствовать вас, господин цаньцзян.

Он выполнил почтительный поклон учёного — совсем не такой, как воинский «баоцзюнь» Лу Фэна. Его поклон был чрезвычайно изящен: длинные рукава халата развевались на горном ветру, и вся его фигура сияла благородной грацией.

К тому же Вэнь Жунь был молод и слегка худощав — это лишь подчёркивало его чисто учёный облик.

Лу Фэн сглотнул:

— Господин Вэнь... хе-хе-хе...

Действительно, обоз возглавлял настоящий цзюйжэнь! Его планы рухнули.

Кто посмеет призвать цзюйжэня в армию? Разве что в случае полномасштабной войны за страну... Но сейчас ведь идёт лишь карательная операция против бандитов!

Он, простой цаньцзян, не осмелится вызвать гнев всего учёного сословия!

— Я привёл людей доставить продовольствие, — вежливо сказал Вэнь Жунь. — Прошу вас, господин Лу Фэн, проводить нас в лагерь. А также пригласить ответственного писаря из тылового управления, чтобы он проверил все документы, сверил список и принял груз на склад.

Вэнь Жунь прибыл не для формальностей.

Ещё до отъезда он подготовил все необходимые бумаги — всё должно быть оформлено строго по правилам, с соблюдением всех формальностей.

Чтобы потом не было проблем.

В документах стояли печать уездного магистрата, личная печать Вэнь Жуня и отпечатки пальцев всех сопровождающих.

Это подтверждало, что они действительно доставили груз, и что ни зерна не пропало, ни веса не недостаёт.

К тому же всё зерно было высшего качества — никакой примеси, никаких камней или отрубей, только лучшее продовольствие.

— Хорошо, прошу! — что ещё оставалось делать Лу Фэну? Пришлось пригласить их в лагерь.

Ворота лагеря были мощными, патрулирование строгим, дозорные на вышках бдительными — народу было много.

Пройдя внутрь, они свернули налево по специальной дороге и сразу же проследовали сквозь

весь лагерь прямо к тыловому управлению.

Тыл всегда был важнейшим звеном армии.

Без снабжения как воевать? Всем солдатам голодать?

Тыловое обеспечение включало не только питание, но и медицину, вооружение и многое другое.

Вэнь Жунь с обозом попал прямо в зону «хуотоуцзюнь» — армейских поваров. Здесь стояло восемнадцать палаток: восемь — для жилья и хранения вещей, остальные десять — исключительно для зерна!

Рядом с жилыми палатками находились конюшни.

У подножия горы отгородили огромное пастбище для лошадей, а в четырёх разных местах сложили запасы сена. В армии держали только лошадей, разве что иногда добавляли мулов.

Для удобства, конечно, в основном разводили лошадей.

За ними присматривали конюхи («магуань»), а ухаживали — коноводы («мафу»).

Чжан Сань как раз был старшим коноводом. Его непосредственный начальник — конюх — скоро уходил в отставку, и Чжан Сань усердно трудился, чтобы занять его место... Всё-таки хоть какая-то «должность»!

Он как раз собирался доложить цаньцзяну Лу Фэну радостную весть — у его любимого коня родился жеребёнок, — как вдруг увидел...

Чжан Сань недоверчиво потер глаза:

— Вэнь... Жунь?

Он хотел сказать «господин Вэнь», но вспомнил, что в армии так обращаться неуместно, и просто назвал по имени.

Но почему Вэнь Жунь здесь, в лагере? Разве он не должен сидеть дома и наслаждаться жизнью цзюйжэня?

— Брат Чжан Сань! — Вэнь Жунь, увидев его, обрадовался до предела. Его лицо озарила широкая улыбка, и он радостно крикнул (довольно громко): — Как здорово тебя встретить!

Теперь не надо никого искать! Где Ван Цзюнь?

— Он... он там, сзади... А ты это... — Чжан Сань перевёл взгляд на цаньцзяна Лу Фэна: — Господин Лу, докладываю вам радостную весть: у вашей любимой кобылы родился жеребёнок-самец!

Вэнь Жунь мгновенно остолбенел и уставился на Лу Фэна. Эта фраза несла в себе... слишком много информации!

— Правда? Отлично! — Лу Фэн сразу оживился. — Обязательно дайте ей побольше лучшего корма!

Он махнул рукой в сторону обоза Вэнь Жуня:

— Сено отведите Чжан Саню. И ещё — половину сена выделите на корм нашим коням.

Под «нашими» он имел в виду коней офицеров.

Ведь командиры всегда шли в атаку первыми, поэтому за их лошадьми ухаживали особенно тщательно.

Особенно кавалеристы: они сами могли есть отруби и сушёную капусту, но их кони обязательно должны были получать лучший корм!

— Есть!.. А? — Чжан Сань сначала машинально ответил, а потом до него дошло, и он изумлённо вскинул голову: — Продовольствие... привёз Вэнь Жунь?

— Да! — спокойно улыбнулся Вэнь Жунь. — Я привёл людей доставить продовольствие.

Лицо Чжан Саня тут же изменилось:

— Ты... ты же цзюйжэнь! Зачем тебе впутываться во всё это? Так далеко путь держать... Ты... ах!

— Вы знакомы? — Лу Фэн всё это время наблюдал и теперь понял: они действительно знают друг друга.

В их интонациях слышалась давняя близость.

— Знакомы, — Чжан Сань вытер лицо рукавом. — Это побратим Ван Цзюня, командира десятка.

Он указал Вэнь Жуню:

— Иди за господином Лу в зону поваров — там и найдёшь Ван Цзюня.

— Побратим? — теперь уже Лу Фэн был в шоке. — У Ван Цзюня есть такой побратим, да ещё и сам пришёл в лагерь?!

Если у него есть такой побратим — цзюйжэнь, зачем ему вообще идти в армию? Мог бы спокойно сидеть дома, наслаждаться жизнью: пить чай, сочинять стихи... Жить вовсе не хуже небожителя!

Вэнь Жунь слегка дернул уголком рта:

— Когда мы заключили побратимство, он уже был в армии. Дело сделано — назад дороги нет. Я просто хотел навестить его.

<http://bllate.org/book/15642/1398104>